

Интерсубъективность и адаптация к объективному миропорядку в античной философской этике

В докладе предпринимается попытка показать, чем интерсубъективный аспект античной философской этики отличается от аналогичного аспекта новоевропейской этики. Под «интерсубъективным» аспектом здесь имеется в виду та область этического дискурса, в которой речь идет о морально правильном или неправильном взаимодействии морального агента с другими агентами. Основные тезисы доклада следующие:

1. В новоевропейской этической традиции, начиная с 17 в., возникает влиятельная тенденция (обозначаемая далее как *интерсубъективно-гуманистическая*), базовыми чертами которой являются:

а) представление об *интерсубъективном характере этического* как такового (моральное благо и зло, добродетель и порок возможны *только* в интерсубъективности или во взаимодействии между моральными агентами);

б) концепция *морального блага и зла*, предполагающая, что эти понятия имплицитно подразумевают понятия *неморального блага и зла* (*добродетель* и *порок* – это такие формы активности морального агента, которые способствуют, соответственно, *неморальному* благу или злу либо просто других агентов, либо всей совокупности агентов, включая и самого деятеля);

Отсюда вытекает, например, что убийство есть *моральное зло именно и только* потому, что оно приводит к *неморальному* злу *другого* агента. Добродетель – это по сути доброта, а порок – жестокость.

2. Интерсубъективно-гуманистическая логика неприменима для описания интерсубъективного аспекта античной философской этики. В данном случае я оставляю в стороне гедонистическую тенденцию в античной этике (т.е. довольно очевидный неморальный эгоизм эпикурейцев или киренаиков, в контексте которого интерсубъективная проблематика может описываться, например, при помощи теории договора или просто имморалистически) и сосредотачиваюсь на негедонистической, но эвдемонистической парадигме, лежащей в основе платонизма, аристотелизма и стоицизма. Эта парадигма предполагает *критику* и более или менее радикальную *девальвацию неморального блага и зла*, тогда как интерсубъективный гуманизм возможен только при допущении их *реальности* (ср. 1б).

Отсюда вытекает, например, что в этом дискурсе было бы затруднительно рассматривать убийство как моральное зло на том основании, что оно приводит к неморальному злу другого агента, поскольку неморальное зло как таковое либо просто не признается злом, либо в том или ином смысле реинтерпретируется как благо.

3. Чтобы понять, на каком основании античный эвдемонизм *может* осуждать антигуманные действия типа убийства как моральное зло, стоит посмотреть, как вообще в нем конституируется содержание таких понятий, как моральное благо и зло или добродетель и порок. Моя гипотеза состоит в том, что ответ на этот вопрос связан с особой этической стратегией, которую можно описать как *адаптацию к объективному миропорядку*. Концепция адаптации среди прочего предполагает, что:

а) Этот миропорядок таков, что в нем человек неизбежно претерпевает не только неморальное благо, но и неморальное зло, и этого нельзя изменить;

б) Соответственно, непосредственная ценностная установка большинства людей, состоящая в том, чтобы стремиться исключительно к неморальному благу и всячески избегать неморального зла, приходит в конфликт с объективным устройством реальности;

в) Следует произвести ценностный переворот, предполагающий все ту же критику неморальных ценностей, для того, чтобы адаптироваться к объективному миропорядку, причем эта адаптация может быть более или менее радикальной, варьируясь от простого *смягчения* непосредственной ценностной установки (не слишком радоваться неморальному благу, не слишком горевать из-за неморального зла), до полной ее *инверсии* (неморальное зло есть благо, а неморальное благо есть зло).

4. Собственно, именно в рамках этой адаптационной стратегии конституируются понятия морального блага и зла. Это значит, что, с точки зрения этого дискурса, человек становится, к примеру, *добродетельным* не потому, что он поступает так, что другим в результате хорошо, а не плохо, а потому, что он адаптируется к объективному миропорядку, соглашаясь, что то, от чего ему непосредственно плохо, - на самом деле не зло, а, может быть, и благо, а то, от чего ему непосредственно хорошо, - на самом деле не благо, а, может быть, даже и зло. Другими словами:

а) Этическое измерение человеческого существования раскрывается вообще не в интересности, а в отношении морального агента к объективной реальности в целом;

б) Понятия морального блага и зла не имплицитно подразумевают понятий неморального блага и зла, как это происходит в интересности-гуманистическом дискурсе (см. 1б), но, наоборот, требуют их критики и отрицания.

Добродетель – это не доброта, а адаптированность. Порок – это не жестокость, а неадаптированность.

5. Моральная критика антигуманных действий в рамках адаптационной логики становится возможна за счет апелляции к тому обстоятельству, что люди чаще всего причиняют другим неморальное зло, потому что стремятся к тому, чтобы им самим было хорошо и не было плохо. Другими словами, их антигуманность есть проявление их неадаптированности. Напротив, добродетельный, т.е. адаптированный, агент, подавляющий в себе желание того, чтобы ему было хорошо и не было плохо, утрачивает основной мотив для причинения неморального зла другим и становится по большей части интересности безобиден.